

Наталья Нелюбова

Наталья Нелюбова родилась во Фрунзе (ныне Бишкек) Киргизской ССР 8 марта 1967 года. Окончила среднюю школу с золотой медалью, геологоразведочный факультет Томского политехнического университета с красным дипломом.

Музыкант, певица, поэт, композитор, обладатель уникального голоса, так называемого сибирского йодля. Объехала полмира (Франция, Германия, Австрия, Чехия, Эстония, Польша, США) с музыкальной программой по мотивам «ископаемой» сибирской культуры (Сомана КуКуН). Работает с музыкантами по всему миру в самых разных жанрах: джаз-фолк-рок, этно-даб, глубокое ретро. Играет на гитаре, фортепиано и варгане.

Одновременно является художником-дизайнером, успешно работает в технике лоскутного шитья.

Проект «Сказки из сибирского бессознательного» начала в мае 2022 года.

Живет в Томске.

Про старика и старуху¹

В некотором царстве в некотором государстве жил-был старик со старухой, и была у него молодая любовница – заведующая рыбартелью и любительница ЗОЖ.

Однажды задумал старик жениться на молодой любовнице, а старуху свою себе служанкою сделать. Любовница, конечно, предлагала старую бабку убить, но старик не разрешил – больно вкусные пироги из рыб и крабового мяса готовила жена. Целыми днями старик и его любовница думали, как же так спровадить старуху, но чтобы она пироги с собой не забрала, больно вкусные они у неё были.

А тем временем у старухи появился любовник – молодой рыбак.

Да и какая старуха в сорок два года, но, может быть, немного больше. Баба-огонь, всё знает, всё умеет. Вот и повадился рыбак к ней ходить. Рыбы наловит и бегом бежит к старухе. Делает вид, что рыбу продаёт, а на самом деле они в кладовке запираются и ну дела свои делать. Старик-муж нет-нет да и крикнет жене, как охи-вздохи да покрикивания услышит: «Чой ты там делаешь, любезная жёнушка?» А жена в ответ: «Рыбу рублю, чтоб пирогов тебе настряпать. Уж больно голова у рыбы большая, просто огромная попалась!»

И стал старик замечать, что старуха день ото дня всё краше становится и радостнее. А на него взглядом хитрющим поглядывает. Никак удумала чего?

А удумала она у старика любовницу отбить, чтобы ей не только рыбак рыбу носил, но и любовница мужа с рыбартели. Уж больно бабка рыбу всю эту любила, особенно пироги из неё делать, ну вы знаете. И однажды старуха с любовницей встретились взглядами и подумали: «А вдруг

¹ Эта и следующие сказки написаны при участии членов литературно-музыкального проекта Н. Нелюбовой.

это судьба?» Но за то время, пока старуха развлекалась с молодым рыбаком в кладовке и молодела, молодая любовница старика интенсивно старела, потому что в том царстве-государстве кладовка была только одна, а заниматься любовью можно было только там.

И вот увидела старуха любовницу как есть, а та вся такая неухоженная, замороченная, без солярия, да и бросила о ней мечтать.

А осталась старуха с мужем-стариком, рыбаком-любовником, с пирогами из рыбы и свежего крабового мяса, да еще молодая любовница старика в окно заглядывает – внимания хочет.

И жили они так долго и счастливо, пока старик, рыбак и молодая любовница старика не умерли.

А старуха осталась навсегда. Потому что так можно было.

Работа

Сижу работаю, никого не трогаю.

И тут из похмельного забытья вываливается на мою голову директор. Выпал и говорит нечеловеческим голосом:

– Ты файл с зарплатой зачем похерила?!

– Не трогала я твой файл. И компьютер не трогала!

Тогда директор и говорит:

– Если этот файл не будет найден, пойдешь заколдованная в клуб «Зажигалка» отрабатывать эту документацию!

А в клубе том испокон веку документацию отрабатывали на шесте, изворачиваясь и извиваясь страшными изгибами в эротическом танце.

Но делать нечего: пошла я назавтра в этот развратный клуб, а там людей видимо-невидимо. Посередине шест стоит, но к нему очередь. А в очереди всё уставшие бухгалтеры да работники социальной сферы.

– Вы чьих будете? – друг у друга спрашивают. – А вы из здравоохранения? Вам другой шест, – и показывают, – шестой у стены.

Бредут работники здравоохранения к стене да бухгалтерам завидуют. Приятно ведь, когда шест посередине. А они опять, как всегда, с краю у стеночки.

Пригорюнились тогда работники здравоохранения и давай слёзы лить да бухгалтеров уговаривать:

– Вы нам шест центральной ненадолго дайте, а мы вам файл с зарплатою дадим попользоваться. Восстановим его, подлатаем. Самый красивый будет! Лучший подарок.

– Как же мы вам свой шест дадим? Работники социальной сферы тогда обидятся.

Вот так за разговорами время-то и проходит.

Но тут прошёл слух, что в этот клуб направлен на долгое время проворовавшийся чиновник высокого уровня. И ему отдали не только центральный шест, но и лучшие танцевальные костюмы с блёстками.

И тогда моё терпение кончилось. Подошла я к этому мудаку и отобрала шест, сорвала с него блестящий костюм, быстро надела на себя и как давай всячески выступать, вертеться, раздеваться, ногами махать.

А в партере все сотрудники в полном составе сидят и директор с ними. Все улыбаются, хлопают и радуются.

Собака зимой

В одной норе жила собака.

Жила себе, траву и мышей ела. Но тут пришла зима и собака спохватилась: что же делать? Такой мороз, а шерсти-то у неё маловато.

«Пойду, – думает, – попрошу у кого-нибудь шерсти, авось поделятся».

И пошла она к медведю – ведь ему-то шерсть зимой не нужна, он же в берлоге спит и по морозу не ходит. Приходит к медведю, стучится в берлогу, никто не отвечает. Спит медведь. Заглянула собака внутрь: точно спит, прямо на шерсти лежит – не унесёшь по-тихому, да и храп стоит такой, что берлога трясётся.

Ушла собака.

Думает: «К бобру пойду. У него шерсть плотная, красивая, с жирком. Зачем она ему зимой? Он же плотину строить будет, без шерсти – оно-то сподручнее, шерсть-то она только мешается, когда плотину строишь».

Пришла к бобру, а он точно плотину строит – громадное бревно перегрызает. Увидела собака зубы бобра и сразу расхотела шерсть просить.

Ну, просто настроение не то стало.

Думает: «К зайцу надо! Он же всю зиму туда-сюда бегаёт – ему и без шерсти тепло!»

Пришла к зайцу, а вместо зайца свист в поле стоит и мелькает что-то взад-вперёд. Понятно стало собаке, что это заяц так бегаёт, что диалог с ним в таком режиме никак не возможен.

Села собака и сидит. Думает.

День думает, неделю, мёрзнет, но думает. И вдруг так громко у неё внутри заурчало, что испугалась она сама и много кого испугала в тот момент.

Испугала зайца – он сразу ещё сильнее замелькал. Бобра испугала – он зуб сломал. Медведь в берлоге заворочался, но не проснулся. Много тетеревов испугала вдоль реки, а уж мелких птиц испуганных и не сосчитать.

Поняла собака, что не одна она живёт, внутри неё ещё кто-то как бы есть. Стала кричать себе в длинное ухо, спрашивать, кто же там есть-то. И что? Звон в ухе есть, а ответа нет.

«Попробую, – думает собака, – выйти из себя, авось увижу, кто останется, когда я-то выйду».

И решила тогда собака наизнанку вывернуться и вытряхнуться. Всё лишнее тогда само на землю упадёт, и увидит собака, кто внутри неё прячется. Так и сделала. Вывернулась собака наружу. И, конечно, сразу стало ясно, что там внутри. Но та часть собаки, которая могла наблюдать, при этом завернулась вовнутрь и не смогла увидеть правду, хотя правда была вся на поверхности и видна.

Смотреть на неё было уже некому.

А то, что хотело и могло смотреть, было туго свёрнуто и наблюдало самоё себя, хотя от этого ничего не менялось, а даже сильнее останавливалось.

Но из-за всех этих потрясений на собаке стала расти длинная тёплая шерсть. Спрашивается, с чего бы?

«А чтобы теплее жилось», – отвечалось и снаружи, и внутри.

Вот какая гармония настала!

Игда и Ягда

Таёжная сказка

У Игды было семь рук и пять ног. Каждое утро он чесал своего Лося, но путался в руках. Плевал от расстройства и уходил в тайгу. Где плевал, там возникали болота, а кто поест морошки с тех болот, тот мог лисой становиться. Такая сила была у плевков Игды.

И встретил он однажды Ягду синеносую. Хороша была Ягда – глаз было три у нее. Себе один, тебе один и Небушку один. И зубы ярко-зелёные, чтобы враги боялись.

Но Игда никак не мог подойти к Ягде, потому что путался в своих пяти ногах и каждый раз они пронесли его мимо Ягды. А Ягда тогда красавица была – на всю тайгу слава о её ушах и затылках шла. Ушей у Ягды было

то восемь, то девять, зависело от погоды. А затылка два – от скромности.

Стал думать Игда, где достать ещё четыре-пять ртов, чтобы говорить ей слова приятные во все её уши и чтобы она его слышала. Придумал! Стал ловить рыб и привязывать их к своей голове по кругу. Рыбы рты большие раскрывают, а голоса своего нет. Вот Игда через них и будет говорить. Добыл рыб Игда и пошёл Ягду забалтывать. Ни в руках, ни в ногах не запутался. День, второй, третий болтает без умолку. Рыбы уже устали, а он знай разговор разговаривает. А Ягда от удовольствия все три глаза замуривает и то одним, то другим, а то восьмым ухом к Игде поворачивается.

Надоели отцу Ягды эти танцы с рыбами да с бубнами.

«Наследников, – говорит, – хочу, а вы всё разговоры разговариваете. Хочу, – говорит, – посмотреть, Игда, главное твоё достоинство. А вдруг у тебя нет нужного количества? Ведь у моей дочери пять «гrotов», и это только те, что мы с матерью при рождении разглядели. И сколько их ещё при половом созревании открылось, то никому неизвестно».

А Игда с Ягдой не хотят отца слушать: уж больно приятно им – одному рыбами болтать, другой ушами поворачиваться. Решили притвориться они, что любовью занимаются, а сами в подвале заперлись – и ну разговоры разговаривать. У Ягды уши красные и все три глаза пылают. Да и у Игды уже дым изо рта идёт, так страстно и быстро он разговоры говорит.

Родители смотрят: дым из подвала валит со сполохами света. Думают: «Хорошо дело идёт, много детишек будет!»

И тут вдруг тишина наступила – спеклись рыбы. Буквально в рыбную запеканку, потому что у всякого живого организма предел есть. Замерла Ягда в тишине, боится пошевелиться. Смотрит на неё Игда и глазам поверить не может. У Ягды от такого словесного перевозбуждения гроты

один за другим открываются. Все пять! Она сама пытается себя успокоить, но процесс запущен.

Глянул Игда в первый грот, а там как в телевизоре – пожар страшный; глянул во второй – там наводнение ужасное; тут и третий грот открывается, и выходит из него Ольга Бузова и бузопесню поёт; но четвёртый ещё страшнее: сидят там клоуны и на калькуляторах что-то считают.

От пятого грота Игда и вовсе сознание потерял. Увидел он в пятом гроте свою бывшую, что прошлой осенью лисы съели. И вроде как она смотрит на него и намекает, что не до конца умерла она, что все женщины – это одна и та же женщина. Страшно стало Игде смотреть в этот грот и додумывать эту мысль. Поэтому нашёл он своё сознание, взял себя в руки, посмотрел на Ягду строго и сказал: «Женщина ты хорошая, но с твоими гротами тебе к шаману надо, лечиться, потому что голодные духи забрали твой покой. И от родителей съехать. Они на тебя влияют негативно».

Заплакала Ягда, потому что прав оказался Игда.

Взяли они друг друга за руки и пошли подалее от дома родителей. В самый дальний лес, о котором Лоси иногда рассказывали.

Идут день, идут два. Устали, легли поспать. Спали долго, чуть в камни не превратились. Много сил забрало гротов познание.

А тут на беду мимо спящих Игды и Ягды Угда шёл.

Возжелал Угда Ягду Прекрасную. Зеленозубую и пятитигротую. Поселился огонь в двух сердцах его алчущих да во всех трёх посохах нефритовых. Ещё два в раздумьи остались – отрастать ли...

Достал тогда Угда нож смертоносный из-за пазухи и к Игде идёт со злыми мыслями. Все его тринадцать глаз недобро поблёскивают.

А Игда не просыпается, но пять ног его, которые никогда не спят, уже встали и бегут в сторону дальнего леса, а Игда знай себе храпит.

Не стал Угда Игду преследовать, думает: ушёл и ладно. Посмотрел он на спящую Ягду и захотел взять её себе в жёны.

Но на улице в жёны брать неудобно, стал он копать землянку, деревья валить, чтобы крышу положить. Рубит деревья – треск по всей тайге стоит.

Проснулась Ягда и понять не может, что такое. А все её глаза открываться не хотят. Устали сильнее Ягды. Стала она Игду звать и спрашивать, зачем шумит.

А Угда хитрый был. Отвечает Ягде голосом Игды: «Не тревожься, милая! Дом нам с тобою строю. Большой да красивый. Будем жить в нём да радоваться».

Успокоилась Ягда. Дальше спит.

А хитрый Угда этаж за этажом строит: кровати ставит, очаг закладывает, стулья сделал из дерева. Стол огромный выточил. Вот как захотел жениться.

Ягда, как пробудилась, видит: лежит она в большом красивом доме, кругом роскошь и сплошное удобство. Подумала Ягда: «Вот как Игда меня любит, такой дом для меня сделал!» И пошла по дому его искать.

А Угда дальше решил обманывать: нацепил лицо Игды, Ягде навстречу вышел. И говорит ей: «Дай-ка мне, Ягда, на уши твои полюбоваться, какие они у тебя большие да пушистые!»

Понравились Ягде слова такие, подошла она к окошку, чтобы солнце осветило ярко её уши, пунцовые от удовольствия. Танцует, поворачивается всеми боками, песенку напевает.

А Угда хитрый знай Ягду голосом Игды нахваливает. Да руками своими ловкими её то так, то эдак приобнимывает. Ягда распушилась от удовольствия, языки из-за зубов повытаскивала, мурлычет.

Только один из глаз её, самый внимательный, видит: за окошком возле леса тоже Игда стоит. Далеко, но разглядеть можно.

И тут Угда до самого важного дошёл в своём танце брачном. Говорит Ягде: «Можно мне, дорогая, в гроты твои прекрасные заглянуть?»

«Хорошо, – говорит хитрая Ягда, – заглядывай!»

Заглянул Угда в первый грот, а там котлеты из лосиного мяса дымятся, заглянул во второй грот – там квашеная капуста в бочке стоит, в третьем – пельмени в кастрюле закипают, в четвёртом – шашлык на шампурах жарится.

Когда заглянул в пятый грот, Угда упал, как подкошенный, потому что увидел, как там он сам на вертеле над огромным костром вращается, одежда дорогая на нём выгорает, сок с него кровавый капает и никто не собирается его спасать. Все смеются над ним и хотят прямо сейчас его есть.

Лежит Угда посреди дома красивого в беспмятстве весь, изо всех ртов своих пузыри пускает да звуки нечленораздельные издаёт. Тут с него лицо Игды-то и сползло.

Увидела это Ягда, разозлилась страшно! Глаза выкатила, ушами по щекам себя хлещет. Половиною ног топчет, другой половиною хочет Угду до смерти запинать. Но держится.

«Знала я, что не Игда ты, а самозванец! Мои гроты Игде весь мир показывают, а тебе, дураку ограниченному, только еду. Я сразу поняла, что обман это!»

А к дому со стороны дальнего леса Игда на всех своих пяти ногах бежит, соскучился, замёрз, проголодался, любви хочет.

И стали они теперь с Ягдой в богатом и удобном доме жить. А Угду себе в лошади взяли по лесу кататься.

Потому что нечего тут лезть, когда у тайги один закон: кого полюбил, с тем и живи!

Чёрные пальцы

У одного парня была невеста. Очень красивая и молчаливая. Все родственники считали, что парню повезло. Собрался он жениться. А перед самой свадьбой у него в клубе «Какаду» был мальчишник.

И вот, когда он вволю наплясался, наорался и изрядно захмелел, раздвинулась стена клуба, вышла оттуда женщина с зелёными волосами и помойным ведром и сказала ему: «Вот женишься, будет тебе жена мясо готовить. А как наскучит тебе, станут её пальцы совсем чёрными, приготовит она тебе сосисок. Тут-то тебе и придут кранты!»

Пригорюнился парень, но хмель из головы слова все выгнал. Правда, с тех пор отчего-то стал парень недолго любить сосиски и даже бояться их. И на картинках зачёркивал.

Но время шло, настал день свадьбы. Собрал он друзей и пошёл невесту выкупать. Во время выкупа отдал всё, что у него было. Привёз невесту в свой дом, что на самой окраине города стоял. А соседей у них не было. Раньше были, но куда-то все разъехались.

В первую же ночь парень увидел сон: та самая женщина с помойным ведром из «Какаду» говорит ему: «Сними перчатки с молодой жены своей и посмотри, какого цвета у неё пальцы».

Проснулся парень среди ночи, подошёл к жене. На ней перчатки красивые, пуховые. Цвета синего, как небо. Стал их снимать. Тянет перчатку с одного пальца – тяжело ему. Полчаса провозился. Принялся за второй палец – ещё сорока пяти минут как не бывало! Третий палец – ещё час! Так и провозился с перчатками до утра. Снял!

А под ними ещё перчатки из тоненькой жёлтой кожи.

Но тут петухи запели и жена просыпаться стала. Муж смотрит – одна рука жены в перчатке осталась, а другая предательски жёлтой кожей лаковой отсвечивает. И време-

ни на раздумье нет совсем. Взял он топор и отрубил жене руку, чтобы она не догадалась. Закричала жена от боли, задёргалась.

А муж её успокаивает. Мол, открыл он утром глаза, а над женой медведь стоит. Пасть раскрыл, съесть хотел. Муж топор взял и давай медведя отгонять. Но успел медведь одну руку откусить и к себе в берлогу утащить.

Поплакала молодая жена, да делать нечего: стала жить с одной рукой. Зато муж и посуду сам моет, и полы, и шьёт, и вяжет вместо неё. Даже кружево плести начал. А девушка целыми днями только телевизор смотрит и пряники ест.

Некоторое время всё было хорошо, но снова приснился парню сон: та же самая женщина из клуба держит отрубленную руку жены в жёлтой перчатке и говорит: «Ты так и не узнал, какого цвета пальцы у твоей избранницы. Скорее узнай, а то поздно будет!»

Достал муж отрубленную руку жены из потайного комода, стал с нее жёлтую перчатку стягивать. Тянет один палец, второй, третий... Пуще прежнего время уходит. Снял! Под ней – зелёная резиновая перчатка. А тут жена из спальни кричит, что чаю хочет. Пришлось мужу быстро чай супруге подавать. Напилась жена чаю да и уснула у телевизора с пряником во рту.

А мужу загадка пальцев покоя не даёт. Достал он снова из тайного комода отрубленную руку в зелёной перчатке. Глядь, а она шевелится. Пальцы в фигу складывает.

И было парню откровение, что зря он всё это делает, зря тётку с помойным ведром слушает, зря перчатки эти грёбаные одну за другой снимает. Только разруху и скорбь множит.

Опустил он глаза и увидел, что... пальцы у него на руках стали чёрные, потому что он этими руками чёрные дела делал.

Заплакал тогда парень, проснулась его жена и всё поняла.

«Эх, ты, – говорит, – тоже мне, медведь! Я бы тебе мяса сделала, да одной рукой не могу... Поэтому сейчас я сварю тебе СОСИСОК!»